

С Т А С Б И Т Л Е Р

МОЯ РЕВОЛЮЦИЯ

18+

2 0 1 4

Стас Битлер

Моя революция

«Реноме»

2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Битлер С.

Моя революция / С. Битлер — «Реноме», 2014

ISBN 978-5-91918-483-6

В книге описывается отрезок жизни простого питерского парня, имеющего ярко выраженную позицию и живущего вне правил, диктуемых «форматом», в период становления его взрослой личности, иногда сопряженного с переоценкой ценностей. Содержит ненормативную лексику и сцены табакокурения

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91918-483-6

© Битлер С., 2014
© Реноме, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	30
-----------------------------------	----

Стас Битлер

Моя революция

© Битлер С., 2014

© Прокопьев Д. Ф., художественное оформление, 2014

© Лысов А. Н., консультант, 2014

© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2014

Описанные в произведении мнения и поступки действующих лиц не во всех случаях совпадают с точкой зрения автора и призывом к каким-либо действиям не являются.

Для связи с автором
stas.bitler@rambler.ru

*...Сквозь зеркальные убежища, словарные запасы,
Богохульные мыслишки и не пропитые денюжки,
Обильно унавоженные кладбища и огороды -
Вечная весна в одиночной камере...*

И. Ф. Летов

Впервые за всю жизнь, вернее не за всю, а за тот ее отрезок, который считается сознательным, то есть за последние лет пятнадцать, мне стало по-настоящему страшно. Конечно, меня не могут приговорить к смертной казни, но получить пожизненное – хуже смерти! Это значит, что шанс выйти на свободу появится только через двадцать лет... В лучшем случае... Тогда мне уже будет сорок. В сорок лет люди – немощные старцы с пустыми глазами, бредущие от станка к телевизору через пивной ларек.

С улицы раздалось задорное девичье: «Сережа!». Через несколько минут крик повторился, усиленный хором отнюдь не стройных женских голосов. Через «дуршлаг» оцинковки на решетке мне удалось рассмотреть трех девчонок, устремивших свои ясные взоры в район третьего этажа. На третьем был «общий» блок. Там коротали время до суда крадуны, грабители, мелкие вымогатели и уличные наркоторговцы. Максимум, к чему приговаривали эту публику, – пятерка. Если бы я мог так легко отделаться!

Из окна, расположенного на уровне моего, только этажом ниже, послышалось:

– Танюха!

И в ответ:

– Сережа! У тебя сын!

– Скажи Светке, чтобы Юркой назвала! Меня в колонию переводят завтра! Два и восемь начислили! Пусть ко мне на свиданку приезжает!

Мне стало смешно и завидно одновременно. Смешно, потому что, с точностью до наоборот, похожие картины мне доводилось наблюдать возле роддома, на который выходило окно моей съемной комнаты. Почти каждый день молодые мамы, высовываясь из палат, оповещали своих раззявивших рты под окнами подвыпивших избранников о половой принадлежности их потомков. Завидно, потому что какой-то там му...ак Сережа отсидит свои неполные два года в ближайшей колонии общего режима и благополучно вернется домой к своей Светке. Юрка его уже к тому времени будет уметь строить предложения и рисовать картинки в альбоме. И вот этот Сережа с высоко поднятой головой будет рассказывать своим дворовым

друзьям – укуркам¹, как его почти что короновали на зоне, потому что он правильный пацан и никого не сдал, и укурки, пуская слюни, «схавают», что теперь за каждый проданный ими грамм гашика² надо будет закидывать лаве³ в «общак», чтобы все было «ровно». Разумеется, им будет невдомек, что Сережа весь свой срок отходил с повязкой на рукаве, потому что статья у него «позорная» – двести двадцать восьмая⁴, а освободился он раньше срока не потому, что «авторитеты» решили, а потому, что был яростным активистом в СДП⁵. Блаженны не ведающие! Вероятнее всего, «укурки» даже не узнают, что на перечисляемые ими в мифический «общак» средства Сережа будет покупать себе подержанные автомобили, а своей семье – всякие разные предметы быта.

Зависти моей хватило минуты на две – до того самого момента, пока ко мне не пришло понимание того, что Сережа как был му...ком, так им и останется, и следующий свой срок он получит уже по какой-нибудь сто шестьдесят первой⁶, когда кто-нибудь из его укурков вовремя не заплатит лаве в «общак», и Сережа не заберет у него силой дорогой телефон или еще какой-нибудь гаджет. Я коротаю время до суда в своей «одиночке» два на полтора совсем по другой причине. Вернее, причин много, но, к счастью, следствию об этом ничего неизвестно. Сто пятая часть вторая пункты «е» и «л»⁷ – это из того, что доказано и куча мала двести восемьдесят вторых.⁸

А как все хорошо начиналось! Разумеется, вынужденную необходимость после девятого класса идти работать сложно назвать хорошим началом, но зато – это уже взрослая жизнь! К концу сентября я стал относиться с презрением к большинству своих бывших одноклассников – маменькины сынки и мажоры! Больше все меня бесила их музыка... Не зря же говорят: «Ты – это то, что ты слушаешь». Все они слушали какую-то х...рню.

Помню, как-то на выпускном староста класса Смородин вел дискотеку. Я его спрашиваю: – «КиШ»⁹ поставишь?

Этот ушлепок меня еще так одобрительно по плечу хлопнул, мол, отличный выбор, и через пару минут смотрю – на мониторе какие-то монобровные усаые девки затрясли животами и волоокый крендель, сладострастно шурясь, затянул что-то типа: «О май бэби, кищ, кищ, кищ...».

Я говорю:

– Сморода, ты охренел?!

А он так искренне удивился:

– Ты чего, это же Навруз Алиев, «Кищ-кищ»? Сам просил. Может, другое чего поставить?

У меня целый альбом его есть!

¹ Укурки – лица, систематически употребляющие наркотические средства каннабиноидной группы.

² Гашик (он же гашиш) – наркотическое средство каннабиноидной группы.

³ Лаве – деньги.

⁴ Статья 228 УК РФ (здесь и далее) – Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

⁵ СДП – секция дисциплины и порядка. Организовывается в исправительных учреждениях из числа осужденных, сотрудничающих с администрацией.

⁶ Статья 161 – Грабеж.

⁷ Статья 105, пункт «л» – Убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти. Наказывается лишением свободы на срок до двадцати лет либо пожизненным заключением.

⁸ Статья 282.1 – Организация экстремистского сообщества. Статья 282.2 – Организация деятельности экстремистского сообщества.

⁹ КиШ – панк-рок-группа «Король и Шут» была образована в 1988 году и прекратила свое существование 19 июля 2013 года в связи со смертью ее основателя Михаила Горшенева.

Посмотрел я с тоской, как мои одноклассники в пляс пустились, изображая из себя заправских жительниц гаремов, и решил, что чужой на этом празднике жизни:

– Не, спасибо, классная вещь.

С другой стороны, можно было понять их всех: путевки в жизнь давно оплачены состоятельными родителями, после одиннадцатого – институты, гарантированные рабочие места, ипотеки, дачи, джипы. Им не надо о чем-то париться, напрягаться... Вот они и живут, не утруждая себя какими-либо глобальными размышлениями, тем более о культуре.

Это с *другой* стороны! Я же, всегда будучи на *своей*, единственный из всего класса жил в коммуналке и ходил в школу пешком. Когда школа получила статус гимназии, мать вызвали к директору. Лицемерная гадина Диана Моисеевна долго «ездила по ушам», после чего мать вышла из ее кабинета, состарившись лет на десять, и всю дорогу бормотала себе под нос: «Не в формате нашего заведения.»

Дядя Валя, брат матери, этой Моисеевне «Вдову Клико» потом возил. Тогда я еще не знал, что это такое, а он со смехом рассказал:

– Слав, это шампанское такое французское... дорогущее!

– Может, не стоило?

– Да ладно, как пришло, так и ушло. Мне его тоже подарили... на работе.

Раньше я думал, что дяди-Валина работа участковым милиционером связана с борьбой со всякими хулиганами, пьяницами и даже преступниками, но никак не с дорогим шампанским.

Позже я «догнал», что это была банальная взятка, и сообразил, что имел в виду дядя Валя, когда сказал: «Как пришла, так и ушла», но мое отношение к нему нисколько не испортилось.

Единственное, что оставило осадок, это осознание того, что если ты не «в формате» – за это надо платить.

Быть «в формате» значило стать таким, как Смородин иже с ним. Для меня это было невозможно как с материальной точки зрения, так и с нравственной.

Все лето после девятого я вкалывал на шиномонтаже, где научился курить «взятяг» и пить слабоалкогольные напитки после смены. Как-то осенью, идя домой с увесистой «котлетой» кровных заработанных, я встретил своих бывших одноклассников и понял, что теперь меня разделяет с ними еще большая пропасть: здороваясь, они вели себя так, словно боялись, что ли... Если бы не этот ощутимый издалека, на молекулярном уровне, типичный страх представителей буржуазии перед пролетариатом, способным на решительные поступки, они наверняка сделали бы вид, что не узнают меня. Я из вежливости предложил им пойти вместе куда-нибудь в «суши», намекнув, что угощаю – они из вежливости сослались на серьезную занятость, выражающуюся в несделанных уроках, и отказались.

Потом я сменил еще не одно место работы, ведь «рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше».

Словно в подтверждение этой народной мудрости, я оказался тем самым *человеком*, который ищет, где глубже, – нелегкая занесла меня работать в «Метрострой».

Именно там-то и началась моя по-настоящему взрослая, полная «приключений» жизнь.

Поначалу я катал вагонетку с выработкой из шахты к подъемнику и обратно, а потом меня сменил худой высокий узбек с изможденным лицом. Я уже не помню, как его звали, – они все время менялись: кто-то, «разбогатец», возвращался на родину, кого-то депортировали, кого-то с завидной периодичностью отправляли в казенные дома за не в меру похотливые повадки или уличные грабежи. Мне и бригадир наш Саныч, хохоча и похлопывая себя по животу, все время говорил: «А чего с ними знакомиться – они все время новые!»

В общем, повысили меня из грузчиков в разнорабочие, и мое рабочее место перенеслось из шахты в вестибюль, что многократно расширило круг общения. Работа была тяжелой и скучной – это делало обеденные перерывы маленькими праздниками: заслуженные метростроевцы, в основном пятидесятилетние дядьки, раскладывали свои полиэтиленовые «скатерти-самобранки» на импровизированных столах, собранных из составленных в ряд пустых коробок, и потчевали друг дружку домашними харчами. Некоторые позволяли себе «махнуть по рюмахе», если начальника участка не было на месте.

Я в ту пору уже вел самостоятельное хозяйство в съемной комнате и запах домашних котлет пьянил меня воспоминаниями о том, как хорошо было дома, с мамой, пока она не завела себе дядю Сережу, который буквально в течение трех месяцев изменил ее представление об окружающем мире, и они, дружно взявшись за руки, не покатались по наклонной плоскости в алкогольную нирвану. Мои призывы перестать бухать и «подшить» своего избранника были гласом вопиющего в пустыне – мать только виновато улыбалась, бормоча, что посвятила мне всю жизнь и имеет право теперь пожить для себя и что интеллигентные люди не могут стать алкоголиками. Как-то в порыве праведного гнева я выставил на улицу пьяного в дым дядю Сережу. Он, будучи бывшим морпехом гренадерского роста, мог бы нокаутировать меня одной левой, но почему-то, виновато улыбаясь, повиновался мне и уселся на скамейку возле подъезда, бессвязно пытаясь продекламировать раннего Маяковского. Через несколько минут мать выбежала из подъезда с шерстяным одеялом и села рядом с ним. Такими я их и запомнил: два печальных пьяных старика с искалеченными судьбами, трогательно заботящиеся друг о друге. Дядя Сережа обнял мать за плечи и они, укрывшись старым, в нелепый цветочек одеялом, вместе смотрели в какую-то невидимую мне точку. На одеяло ровным слоем ложился снег, скрашивая пятна, потертости и зияющие дыры, прожженные во сне сигаретными окурками. Я вернулся в квартиру, выгреб из-под кресла, служившего мне кроватью, жестяную коробку со своими сбережениями и к вечеру снял нехитрую комнатенку в доме, не представляющем архитектурной ценности, недалеко от площади Восстания.

Словом, добродушные наставники мои – трудовая элита Ленинградского метро, из нечастых разговоров знающие о моей ранней самостоятельности, – стали приглашать меня к обеду за общий стол, чему я был несказанно рад. Одно дело йогурты-шаверма-суши, а другое – домашние котлетки или даже иногда полтарелки борща из термоса. Я был благодарен старикам и с каждой получки или премии, которая обмывалась строго после смены, украшал их «скатерти-самобранки» какой-нибудь иноземной сорокоградусной вкуснятиной в бутылке причудливой формы, благо лабаз был неподалеку от моего места жительства.

На одной из таких посиделок я сошелся с Аркадием. В бригаде Аркадия не любили и за глаза называли диссидентом, хотя острых отрицательных эмоций он ни у кого не вызывал. Разве что раздражал немного вечными разговорами о политике, о разворованной Отчизне, угнетенной олигархами, и о националистическом беспределе... Он был заметно моложе добродушных работяг, которые были вполне довольны своей судьбой и причин осуждать власти не имели. Аркадий тщетно пытался втянуть коллектив в какие-то акции, митинги и прочие не совсем законные мероприятия, мотивируя свои призывы тем, что большая часть соотечественников до сих пор прозябает в забытых богом и президентом городах, осиротевших после разворовывания градообразующих предприятий. Мне так и виделись картины спивающихся мужиков, которые от безработицы воруют гайки с железнодорожных путей и за гроши горбачатся на нелегальных лесопилках, рискуя своей свободой, хотя Аркадий говорил, что *такая* свобода – и есть самое настоящее рабство. Мужики обычно отмахивались от изрядно подвыпившего оратора – мол, у нас-то все хорошо, а другие пусть сами разбираются. Я же частенько заслушивался его манифестами и со временем на зубок знал: кто из олигархов и сколько украл, при каких обстоятельствах, сколько «откатил наверх» и какими благами обзавелся на нетрудовые средства. Старик По был прав: ни один капитал не может быть заработан честным трудом.

Подружила нас с Аркадием, как ни странно не политика, а музыка, вернее сказать – искусство, а если быть еще более точным – культурное наследие ранних постсоветских времен. Мне в память об отце досталась замечательная коллекция: десяток альбомов «Гражданской обороны» на потертых жизнью аудиокассетах, в основном самописных. Поэтому или по другим причинам, я, не в ногу со сверстниками, был большим почитателем творчества Игоря Федоровича. Однажды, после очередной производственной пьянки, я помогал своему старшему товарищу доползти до дома и увидел у него в комнате на стене пожелтевшую от времени черно-белую фотографию, на которой он, моложе, чем я сейчас, в кругу странно одетых людей стоял рядом с самим Летовым¹⁰ (!).

Аркадий поднялся в моих глазах на уровень очевидца первого пришествия.

Позже я узнал, что мой коллега родом из Омска, где в свое время ему доверили руководство небольшой комсомольской ячейкой, но, узнав о неформальных взглядах, быстренько попросили из юношеской сборной компартии. В конце восьмидесятых он переехал в Ленинград, где почти закончил Политех, но все испортили ранний неудачный брак и, как у многих «неформалов» того периода, тяга к расширению сознания с помощью различных препаратов. Словом, человек трудной судьбы. За свои сорок с небольшим он успел полежать почти во всех психушках города, украсить биографию доброй сотней приводов в органы и даже отмотать срок в колонии-поселении за бытовое хулиганство по подставе бдительных коммунальных соседей.

Скореешившись, мы частенько после работы болтались по квартирникам (раньше я думал, что их уже лет двадцать не существует), много пили, слушали задумчивые песни под гитару, которые исполняли седоволосые приятели моего друга, и часами ломали головы на кухнях, как сделать лучше жизнь простых трудящихся. Очень скоро я узнал, чем «левые» отличаются от «правых», кто такие «центристы», и на примере «Ста лет одиночества» Маркеса сравнивал всю эту разношерстную публику с либералами и консерваторами.

Анархическая идея устройства общества, разумеется, представлялась мне утопией, но ведь под лежащий камень вода не течет, поэтому надо было что-то делать. По мнению многих моих новых знакомых, которое, в общем-то, совпадало и с моим, Аркадий был идеальной фигурой вождя с его знаниями, опытом и стремлением.

¹⁰ Игорь Федорович Летов (1964–2008) – великий русский поэт и музыкант, лидер музыкального коллектива «Гражданская оборона».

Самым простым способом были, конечно, интернет-рассылки, листовки и митинги. Вокруг нас сформировалось немало народу: по большей части приезжие студенты и безработные, правда, встречались и «мажоры». То ли от избалованности и пресыщенности, утягивающей в сказочный бунтарский революционно-подпольный мир, то ли действительно по идеологическим соображениям они периодически вливались в наши ряды. Учитывая их постоянную готовность делать финансовые вливания в дело революции, все члены нашего дружного, пока еще не очень радикального сообщества были бесконечно рады. Некоторые из них свято верили, что после победы Аркадия на выборах в Думу они займут рядом с ним лучшие места и получат замечательный старт для своей политической карьеры. Меня, конечно, изрядно подбешивали встречающиеся среди «мажоров» гбтэшники¹¹, но Аркадий успокаивал меня тем, что в настоящему свободном обществе каждый имеет право на самоопределение и выбор ориентации, тем более что эти «господамы», как я их называл, никогда не скупились на оплату адвокатов, передач для политзеков и взяток чинушам за согласование акций.

Все складывалось просто замечательно, и вскоре у нашей партии появились филиалы во всех районах города и даже пара-тройка областных, но после очередного похода к Марининскому дворцу с плакатами мой политический гуру уехал в Воркуту убирать снег на целых четыре года за найденную у него в капюшоне плитку гашиша. Знакомые журналисты пытались добиться справедливости, но компетентные органы искусно намекнули их боссам, что парни хотят в обход руководства сделать политическую карьеру – на этом их журналистские расследования и сошли на нет.

Однажды на Ладожском вокзале, отправляя через знакомых проводников передачу для Аркадия, я задумался о правильности его пути и пришел к выводу о несостоятельности анархической теории бытия. Раздавленный этим вопиющим открытием, я купил бутылку «русской» и какую-то мак-даковскую дрянь. Дрянь переложил в карман, бумажный пакет использовал как чехол для бутылки и спустился в метро. Проезжая перегон под Невой, я вспомнил, что когда-то участвовал в его ремонте, и не без ностальгии улыбнулся, потому что уже несколько месяцев работал внешкором в одном из интернет-изданий, куда меня устроили приятели Аркадия, и бывать в метро мне теперь доводилось крайне редко. На эскалаторе, ведущем к свету, «русская» закончилась. Я добрал до ближайшей парикмахерской и попросил побрить меня наголо. Молоденькая парикмахерша удивилась, но перечить не стала. Я видел краем глаза, как ее подружки, хихикая, снимали на мобильники последние минуты жизни моего ярко-красного ирокеза.

После недельного запоя я позавтракал водой из-под крана и удалил «В Контракте» свою страницу с тремя сотнями непрочитанных сообщений от товарищей по партии. С чего им в голову взбрело, что я должен стать приемником Аркадия и возглавить их «левое крыло»?!

Пора было возвращаться к нормальной жизни, брать на работе аванс и как-то оправдываться за свое недельное исчезновение. Или наоборот – сначала оправдываться, а потом аванс

¹¹ Гбтэшники – здесь: сексуальные меньшинства (гомосексуалисты, бисексуалы и трансгендеры).

просить. Надо только понять, какое настроение у руководства, а дальше действовать по обстановке.

Коммерческий директор моего издательства, вежливо улыбаясь, сообщил мне надменным тоном:

– Митин, мы больше не нуждаемся в ваших услугах!

Заметив у него на столе портретик Надзорова, я посоветовал ему сделать пластическую операцию, чтобы стать еще больше похожим на кумира, в ответ на что услышал лаконичное «Вон!» и спорить не стал. От осознания провала затеи с авансом голова заболела еще больше.

В ожидании маршрутки я зашел за остановку по малой нужде и увидел, как трое спортивно одетых ребят маргинальной наружности смачно пинают ногами четвертого, а тот, уже, видимо, обессиленный от побоев, вяло обороняется, но не сдается. Я максимально быстро завершил задуманное и, застегивая брюки, крикнул:

– Хорош, вдвоем-то одного гасить!

Один из троицы оглянулся и дерзко ответил:

– Пошел на х..., Кузьмич!

Мне стало крайне неприятно, что меня посылают, да еще и какими-то непонятными отчествами называют. В кармане нашлась опасная бритва – драться-то был не мастер... Я заученно отработанным жестом довольно эффектно продемонстрировал ее противникам, чем полностью переключил их внимание на себя. Парни оказались не из пугливых и перешли в наступление. Их даже не смущали порезы на руках и ссадины на руках, которые я довольно ловко наносил им. Один, невысокий, достал из кармана телескопическую дубинку, после чего я понял, что пора валить, и огляделся по сторонам. Валить было некуда – со спины к нам с гиканьем и улюлюканьем неслось еще минимум семеро «спортсменов» с такими же «телескопами» в руках. Вдруг нападавшие на меня ни с того ни с сего бросились наутек прямо через проезжую часть, ловко лавируя между проезжающими мимо машинами.

Часть вновь прибывших погналась за убегающими, а остальные остановились возле бедолаги, за которого я на свою голову «вписался». Его стали приводить в себя одобрительными возгласами и похлопываниями по плечам. На меня никто внимания не обращал, и я хотел было вернуться на остановку, но тут случайно спасенный мной поклонник спортивного стиля одежды отстранил своих приятелей и ринулся ко мне, протягивая широченную, как весло, ладонь. Его разукрашенная физиономия светилась от какого-то непонятного мне по-мальчишески искреннего чувства, и он прошамкал синюшно-пельменными губами:

– Шаша!

– Слава, – ответил я и пожал протянутую руку.

– Пошли ш нами! – предложил мой новый знакомый и легонько хлопнул меня по плечу.

Делать мне было особенно нечего, и я согласился. По дороге я к своему удивлению узнал, что стал очевидцем столкновения двух враждующих околоспортивных группировок и что на спасенного мной, оказывается, напали приезжие. Оставшуюся часть дня мы вместе с Саньком и пацанами из его «фирмы» (тогда я еще не понимал значения этого слова) наперегонки глотали ирландский из маленьких стопочек, запивая пенным напитком и запевая песнями ранее не слыханной мною рок-группы «Бивни». Я был приятно удивлен, что ветеран панк-сцены Сантер из «Юго-Запада», оказывается, не иммигрировал ни в какую Бельгию, а продолжает нести культуру в массы, возглавляя вполне симпатичный проект. К вечеру, разодрав глотки ежеминутными «Оле-оле!», мы осипшими голосами попрощались и крепко обнялись, словно старые друзья. Санек сказал: «Ну, бывай, Бритва!» – так ко мне и прилепилось это прозвище...

Дальше понеслось: «выезды», «проводы», «дерби», естественно, «махачи» с гов...ом¹² и без и еще много всего интересного. По настоянию Санька я стал завсегдатаем секции бокса,

¹² Гов...о – здесь: холодное оружие: телескопические дубинки, кастеты и т. п.

которой руководил его старший брат Леха, что уже через небольшое время принесло ощутимые результаты: набрав неплохую физическую форму, я все чаще стал высказываться за fairplay¹³ вместо коротких наскоков и перестал бояться вставать в firstline¹⁴.

Среди почетных членов нашей «фирмы» были даже двое улыбчивых парней постарше нас из Белграда, которые несколько раз «вписывались» у Санька, приезжая в Питер. Он тоже мечтал к ним съездить, но мешало отсутствие загранпаспорта. С его слов, Милун и Сречко в свое время, еще будучи подростками, успели повоевать с натовцами. Именно они рассказали мне, какая грозная сила футбольные хулиганы.

Как-то само по себе получилось, что я оказался в «основе» «фирмы», и никому из фирмачей в голову не приходило ассоциировать меня с неофитом «хуллза». Правда, если честно, околофутбольный «движ» мне нравился больше, чем сам этот чужеземный и не совсем понятный для меня вид спорта. К футболу я относился по-прежнему, полностью разделяя точку зрения старика Хоттабыча¹⁵.

В этот замечательный период времени, не без помощи новых друзей, мне удалось устроиться на работу в небольшой магазинчик с нехитрым названием «УльтрасПорт». Ощутимо исправить финансовое положение мое скромное жалованье не позволило, зато с тех пор я всегда был в «тренде», так как мне предоставлялась неплохая скидка и неограниченный кредит на все продаваемые товары. К тому же новая работа дала мне возможность многократно расширить круг общения и обзавестись массой знакомств.

Именно в «УльтрасПорте» я и встретил девушку своей мечты – Соню. Соня заходила в магазин пару раз: сначала с подружкой – просто посмотреть, потом – уже за покупкой. Она мне сразу понравилась: худенькая блондиночка с глазами цвета флагов нашей «фирмы», тихая и скромная, но умеющая вести себя достойно. Она выделялась на фоне других посетителей магазина женского пола: не скручивала губы в трубку, как гламурное чмо, и не «чекинилась» в примерочной с каждой новой тряпкой, стойко пережила отсутствие своего размера, примеряя, на мой взгляд, очень качественную реплику «Альфы», и на мое предложение примерить что-нибудь другое спокойно ответила:

– Подожду следующей поставки. Ведь в прошлый раз был мой размер... Покажите мне вот эти кроссовки.

Я хотел было заметить, что ее интересует мужская модель, но она, предвосхитив мой вопрос, поинтересовалась:

– У вас какой размер?

– Сорок два с половиной.

– Отлично! Вы не могли бы примерить? Я молодому человеку покупаю... в подарок. У него как раз такой же размер.

Разумеется, «родные» «NB» выбранной ею серии могли оставить равнодушными только человека, не имеющего никакого понятия о настоящей качественной обуви.

Стоили «зачетные тапки» целое состояние – наверное потому, что их шьют в свободное от светских раутов время, как минимум, члены британской королевской семьи. Покупательница не производила впечатления дочери нефтяного магната, видать, крепко любила своего «болелу». Девушке не хватило наличных, что дало мне возможность узнать, как ее зовут, когда я проводил кредитную карточку через терминал.

На прощание она одарила меня едва заметной улыбкой и еще раз поблагодарила. Тогда мне показалось, что в полуподвальном помещении магазина появились окна, через которые с

¹³ fairplay – здесь: честный бой.

¹⁴ firstline – здесь: передовая.

¹⁵ Старик Хоттабыч – герой одноименной сказки Л. И. Лагина.

улицы радостно ворвались теплые лучи весеннего солнца, так явственно дающие надежду на то, что зима вернется не скоро.

Мои воспоминания прервал лязг шпингалета открывающейся «кормушки» – настало время прогулки.

Погода была, как обычно, дерьмовая – зима никак не хотела уступать место ранней весне, так нехарактерной для наших широт. Из свинцового неба, огибая на ходу прутья решеток, в прогулочный дворик сыпались капли дождя, перемешанного со снегом, но это было мне только на руку: я сразу увидел на привычном месте, примерно на восьмом шаге круга, почти не заметный нетренированному глазу комок хлебного мякиша, уже наверняка начавший раскисать под воздействием осадков.

Отмеряя небольшими, примерно одинаковыми шагами предпоследний круг, я боковым зрением заметил, что цирик¹⁶, укрывшийся от непогоды в дверном проеме, прикуривает, прикрывая пламя зажигалки рукой. Первая попытка успехом не увенчалась, а со второй мне удалось осторожно наступить на мякиш носком выдавшего виды потрепанного «575» так, чтобы он приклеился.

Как только с меня сняли наручники и «кормушка» захлопнулась, я бережно отлепил свою находку от кроссовка и занялся почти ювелирной работой: надо было очень аккуратно снять слой хлеба с крошечного рулончика бумаги, спрятанного внутри. Я знал, что бумага очень тонкая, сигаретная, и любое неосторожное движение может привести к потере фрагмента, а то и всего текста. Затаив дыхание, я развернул рулончик и прочитал: «Возьми на себя экс на „Электросиле“. Детали – адвокат Пенкин. РП! Отто».

«РП!» означало «Респект патриотам», и я сразу понял, о чем речь: послание было, как всегда, написано аккуратным почерком координатора «Белой гвардии» Отто. Мы встречались с ним на воле несколько раз, в основном в «УльтрасПорте», но друзьями не были. Да и что могло быть общего у молодого бойца и убежденного сединой ветерана, который еще в восьмидесятых гонял за «правый движ». Периодически садиться «за идею» было для него привычным делом.

Поговаривали, что первый свой срок Отто получил еще в начале восьмидесятых за то, что на виду у всех прохожих прямо возле метро отлупил гражданина Нигерии, заехавшего полюбоваться Ленинградом после окончания двадцать второй Олимпиады. По версии Отто, ему не понравилось то, что здоровенный негрила у всех на виду решил ополоснуть свое хозяйство в общественном стакане, взятом из аппарата по продаже газированной воды.

В настоящее время «ветеран» ждал суда по сто одиннадцатой последней¹⁷. Зная о прошлом подозреваемого, следствие прокуратуры нисколько не усомнилось в показаниях свидетелей из числа «гостей» о том, что сухонький старичок без ведомых причин со строительным мастерком в руке в одиночку напал на шестерых румяных чабанов, выгуливающих свою мини-отару в Парке интернационалистов, и самооборона, втираемая защитой, «не прокатила».

¹⁶ Цирик – охранник.

¹⁷ Статья 111 – Умышленное причинение вреда здоровью.

В мирное время Отто ездил на «мерседесе» и все девяносто дней «шенгена» проводил в Германии. Как и большинство «ультраправых», он любил все немецкое, поэтому даже «погоняло» себе взял соответствующее, хотя на самом деле его звали Олегом.

Видимо, я никогда не пойму этого преклонения русских националистов перед немцами. Да и что за народ – эти немцы? Почему-то никто никогда не ставил под вопрос психическое здоровье этой нации. В Средние века всех красивых баб на кострах пожгли, в войну, которую они, кстати, в итоге про...рали, – евреев и коммунистов. Хлебом не корми немчуру – дай кого-нибудь поджечь. Извращенцы, одним словом, а сейчас у них, говорят, мужики на мужиках женятся, а детей из детдомов берут на воспитание. Тьфу! Уважать немцев в моем понимании было решительно не за что, не говоря уже о том, что внуки тех, кто воевал с нами, причем дважды, пусть и давно, ну никак не могут быть нашими друзьями!

Несмотря на сказанное выше, я относился к Отто с уважением. Как только он узнал, что я на спецблоке – сразу поддержал. Для Отто-человека, имеющего вес, как в «правом», так и в уголовном мире, не составляло особых хлопот иногда закинуть мне чайку или сигарет через цириков, но, несмотря на все его коррупционные связи с администрацией, ни о каком обмене информацией и речи быть не могло. Если нужно было сообщить мне что-то важное, приходилось действовать дедовским способом – через записки в прогулочном дворике.

Поначалу для меня это было странным – мой приятель Димон, освободившийся из мест лишения в прошлом году, названивал из тюрьмы, а потом из зоны всем своим знакомым чуть ли не круглосуточно, поэтому я думал, что средства связи за решеткой – обычное дело. Отношение к «политическим» оказалось особым: даже моих адвокатов после встречи со мной буквально наизнанку выворачивали, хотя все они были «положняковые» и делать для меня что-либо выходящее за рамки своей профессиональной деятельности причин не имели.

Мне вспомнилась история у метро «Электросила», когда Лось гонял гостей города бейсбольной битой, сопровождая свой кураж правыми лозунгами – ну не любит он, когда среди бела дня лезгинку пляшут в культурной столице! Он эту лезгинку еще в армии, во времена службы на Кавказе, отлюбил.

Я читал потом на «Мойке.Ру», что по этому поводу дело завели, но раскрыть его у «серых» шансов никаких не было: я – «могила», Лось тоже сам сдаваться не пойдет. Правда, с нами еще Филин был, но он не при делах, да и спрашивать его никто не будет. Мы все в повязках были – попробуй, опознай! Странно, конечно, все это, ну да ладно – посмотрим, что этот Пенкин скажет...

Ночью мне не спалось: я вспоминал в мельчайших подробностях, как познакомился с Соней, как наши поначалу приятельские отношения переросли в дружбу, а потом во что-то большее. Любовь? Наверное, нет. Судя по тому, что я читал в хороших книгах и слышал от правильных людей, это была не совсем любовь. Это было чувство, выходящее за рамки контекста «влюбленность» или «взаимная приязнь». Нам было легко вместе. Я понимал ее без слов, и она всегда знала, чего я хочу и о чем думаю. С ней было интересно не только говорить о чем-то, но даже молчать. Мы оба прекрасно понимали, что могли бы сказать друг другу многое, но совершенно не нуждались в этом.

Если бы можно было все изменить и оказаться на свободе! Наверняка после окончания института Соня приняла бы мое предложение стать моей женой, и мы создали бы самую замечательную на свете семью: вырастили бы славных сыновей, а может быть, даже прекрасных дочерей, которые потом непременно подарили бы нам маленьких и забавных, обязательно похожих на нас внуков. В старости мы поселились бы где-нибудь в глуши, на окраине леса, у тихой речки, а все наше дружное потомство приезжали бы погостить к нам на лето. А когда мы оставались одни, Соня играла бы по вечерам на старом рояле, стоящем на веранде, или варила варенье в саду, а я ходил бы на рыбалку или на охоту с двумя верными псами породы хаски.

Сейчас эти картины казались настолько реалистичными, что мне больше хотелось быть ясновидцем, нежели мечтателем. Но это все, что у меня осталось на сегодня, – мои мысли. Находясь в полной изоляции от окружающего мира, я постепенно создавал свой собственный, состоящий из грез и воспоминаний. Я, не привыкший к раздумьям и не склонный к размышлениям, теперь в новых, непривычных условиях чувствовал себя идущим по тонкому льду – мне было одновременно и весело и страшно.

– Добрый день! Я вот... хотела бы. – Она положила передо мной на прилавок коробку с кроссовками.

– Здравствуйте! Не подошли? Может быть, на сорок третий поменяем?

– Они *совсем* не подошли.

От этого «совсем» повеяло каким-то могильным холодом, словно будущий обладатель «NB» не вернулся с фронта, так и не узнав о чудесном подарке, который его ждет. Я понял, что подробности могут быть слишком личными и, пытаясь изобразить безразличие, поинтересовался:

– Чек сохранился?

– Нет, – ответила девушка и, вздохнув, добавила: – Потерялся чек. Я подумала, что.

– Но. Мы не можем. У нас правила.

– Я знаю, – спокойно ответила она. – Тогда оставьте их себе. У вас ведь такой же размер. Всего доброго!

Я на мгновение превратился в соляной столб и с глуповатым выражением лица смотрел, как она направилась к выходу. Лицо ее было спокойно и прекрасно и ничто не выдавало душевного волнения, кроме предательской влаги, подступившей к уголкам ее глаз цвета знамен нашей «фирмы».

Выйдя из оцепенения, я почти что прокричал ей вслед:

– Подождите! Я не могу!

Было поздно. Дверь за ней захлопнулась, звякнув на прощание колокольчиком. Я схватил коробку и выбежал на улицу. Девушка решительным шагом удалялась прочь.

– Софья! Подождите!

Она оглянулась и удивленно спросила:

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Я... Неважно... Послушайте: давайте попробуем что-нибудь придумать. Я вечером поговорю с начальником.

– Не утруждайте себя, молодой человек. Я все понимаю: правила.

– Правила существуют для того, чтобы их нарушать, – неумело парировал я внезапно пришедшим на ум рекламным слоганом, который, на удивление, сработал!

Соня улыбнулась, достала из сумочки ручку с блокнотом и что-то написала в нем аккуратным почерком.

– Вот. Позвоните, если что-нибудь получится. А если не получится – вы знаете что делать.

Я долго смотрел ей вслед, как она, улыбаясь, «плыла» в сторону метро: казалось, что в черно-белую киноленту по замыслу режиссера-авангардиста вмонтировали цветные кадры с главной героиней, чтобы подчеркнуть ее яркость и харизму на фоне мрачно-серых оттенков самого депрессивного города в мире.

Вечером, вливая уже седьмую или восьмую стопку ирландского в зама по продажам, я старался быть очень убедительным:

– Марик, дружище, ну, может, это моя судьба!

– Слав, ну это же не «чайна». Ты ведь знаешь – их почти никто не покупает. Допустим, с чеком мы решим, а отчет? В конце концов, если тебе так надо на даму впечатление произвести, отдай свои деньги, да и все!

– Не-е! Во-первых: это как-то криво будет, а во-вторых... нет у меня столько.

Я жестом попросил бармена повторить заказ.

Ловко опрокинув стопку, Марк, в свойственной ему манере человека, боящегося даже собственной тени, если затрагиваются интересы руководства, понизил голос до полупшепота:

– Ладно. Возьмешь деньги в кассе и выставяй завтра на продажу, но если до конца месяца их никто не купит – извини. Сам забереешь. Я тебе если чего скидку максимальную пробью. Чем могу.

– Ты – человек!

– А ты сомневался? Давай еще по стопочке, на посошок.

На следующий день я не находил себе места в ожидании закрытия магазина. Наконец, час пробил, и я набрал заветный номер:

– Софья? Здравствуйте! Это Слава из «УльтрасПорта». Вы заходили вчера по поводу кроссовок.

– Добрый вечер!

– Я хотел сказать, что все в порядке – ваш вопрос решен положительно.

– Ой, спасибо вам огромное! А сегодня я могу подъехать?

– Во сколько?

– Сейчас постараюсь отпроситься, мне тут до Финляндского минут двадцать плюс метро... Через час точно буду!

– Мы уже закроемся.

– Жаль. У меня потом до конца недели возможности не будет.

– А где вы у Финляндского?

– Рядом с ДК «Выборгский». Знаете?

– Конечно. Я сегодня как раз к приятелю в гости на Гельсингфорсскую собирался. Могу через вас проехать.

– Буду вам очень признательна. Вас действительно не затруднит?

– Без проблем. Подъеду – наберу вас.

Распечатав на принтере липовый акт возврата товара в двух экземплярах, я, как на крыльях, рванул в метро. На площади Ленина, пробегая мимо цветочного киоска, я остановился и купил ярко-оранжевую розу почти полутораметровой высоты. После подсчета остатков наличности вопрос вечернего похода в бар решился не в мою пользу, но меня это нисколько не расстроило.

Софья подошла на перекресток ровно через пять минут после моего звонка.

Я сунул ей конверт с деньгами и с деловым видом попросил расписаться в обоих экземплярах акта возврата. Когда с формальностями было покончено, я торжественно вручил ей розу:

– Это тоже вам!

Девушка засмеялась:

– Спасибо! А за что? Маркетинговый ход, чтобы клиент обязательно купил что-нибудь в следующий раз?

– Можно сказать и так.

– А где, вы говорите, живет ваш приятель? На Гельсингфорсской жилых домов ведь почти нет.

– Э. Я не говорил, что он здесь живет. Он здесь работает. Вон в той фирме, – ловко соврал я, ткнув пальцем в первую попавшуюся вывеску, – собрались футбол посмотреть на большом экране. У них там телек почти два метра по диагонали.

Соня понимающе кивнула:

– Ну что ж, тогда не буду вас задерживать. Еще раз огромное спасибо. Вы не представляете, как выручили. Мне тоже пора.

Мне совсем не хотелось, чтобы она вот так просто взяла и ушла. В этом случае вероятность того, что мы встретились бы снова, приравнивалась к нулю. Я понял – сейчас или никогда:

– Вы не будете против, если я провожу вас?

– А футбол?

По тому, с каким видом я махнул рукой, она сразу поняла, что нет никакого двухметрового телека, никакого приятеля и никакого маркетингового хода, а еще через несколько часов мы оба поняли, что теперь есть только Мы.

До самого утра мы гуляли по набережной и узнавали друг о друге теперь уже не имеющие никакого значения подробности. Выяснилось, что Соня учится заочно на юридическом и работает внешкором на «Ливне», что она живет вдвоем с бабушкой – бывшей политкаторжанкой дворянского происхождения в тесной квартирке на «Лесной», что она верит в Рода и Сварога и любит добавлять настоящий ром в мороженое, а ее бывший – полный кретин, который в собственный день рождения затащил к себе домой дочку босса, а когда Соня, пожелавшая устроить сюрприз, пришла к нему без звонка и застала их, начал подмигивать ей и называть своей двоюродной сестрой. Еще, к своему удивлению, я узнал, что тема курсовой работы Сони – «Использование несовершенства законодательства экстремистскими сообществами» и что в свободное время она работает волонтером в интернате для детей-инвалидов и терпеть не может современную популярную музыку.

Тогда я еще не знал, что хрупкая девушка с лицом ангела и душой младенца сможет так изменить мою жизнь...

Адвокат Пенкин, мягко говоря, выбивался из привычных рамок представления о правозащитниках: вместо холеного дрища в очках и галстучке передо мной предстал персонаж, чем-то похожий на дядю Колю Валуева, фотография которого с личным автографом висела у меня дома над кроватью.

– Григорий Витальевич. Можно Григорий, – громыхнул раскатистым басом Пенкин и широко улыбнулся.

Сидя на прикрученном к полу табурете, он был почти одного роста со мной (это при моих ста восьмидесяти!), а папка с бумагами форматом А4 в его огромных ручищах больше походила на школьную тетрадку.

Охранник отстегнул «браслет» с моей правой кисти и защелкнул его на ножке стола, за который я сел напротив адвоката на такой же, как у него, прикрученный к полу табурет.

– Василий, голубчик, ступай! – обратился Пенкин к охраннику.

– Но, не положено... – почему-то смущенно ответил он.

– Знаю. Если что – скажешь в санчасть ходил, мол, голова заболела, – невозмутимо продолжил Григорий, – нам поговорить надо.

– Да я никому! Говорите о чем угодно!

– Ты-то никому – понятно. А ну как пытать тебя станут? Ступай. Чайку нам организуй! – Пенкин сунул в руку Василию бело-зеленую бумажку, свернутую в трубочку.

Охранник отвесил поклон и вышел. Мне прямо смешно стало – надо было еще ножкой шаркнуть и сказать: «Сию минуту-с!» «Василий, чаю!» – умора! Видать, серьезный тип этот Пенкин. Может, провокатор? Но вроде Отто рекомендовал.

Пенкин жестом пригласил меня наклониться поближе и громким шепотом начал:

– Софья Кирилловна вам кланялись.

Я понимающе кивнул. Все мои сомнения относительно адвоката тотчас рассеялись. Он продолжил:

– Времени у нас мало, слушай и запоминай: есть схема, как тебя выдернуть. Для начала – затащим в Московский ИВС¹⁸. Там попроще общаться. Для этого тебе надо эпизод на себя взять, на «Электросиле». Говори все, как есть. Если вписываешься – Лось явку с повинной напишет, тебя выдернут – подтвердишь. Следак тебя в район переведет. Третьего, кстати, вы не сливаете. Лось будет показания давать такие, чтобы в случае чего отказаться можно было.

Я хотел было расспросить Пенкина поподробнее, но в этот момент в кабинет вернулся Василий:

– Не губите, Григорий Витальевич. Начальство в коридоре. Не могу я вас без присмотра оставлять.

¹⁸ ИВС – изолятор временного содержания.

Пенкин, с досадой глянув на нерадивого коррупционера, сделал вид, что продолжает прерванный его приходом диалог:

– Все жалобы вы имеете право фиксировать на бумажном носителе и через администрацию передавать адресатам. Вопросы?

– Я могу подумать?

– А чего тут думать-то? – На лице адвоката явно читалось неподдельное удивление. – В вашей ситуации – все во благо!

– Принято!

– До новых встреч, Вячеслав Семенович!

– Спасибо на добром слове, Григорий Витальевич!

По дороге охранник не унимался:

– А чего так недолго? А кто тебе Пенкина нанял? А на что ты жаловаться собираешься? А когда он к тебе придет теперь?

Я старался отвечать односложно и расплывчато, да и ответы особо не интересовали моего провожатого – то ли он прикидывался, то ли действительно был полным придурком. Без особого труда мне удалось выяснить у Василия, что Пенкин – один из самых дорогих в стране юристов, что сам он из прокурорских – до пенсии ждать не стал, ушел и что он в свое время защищал Дорковского и не раз представлял в суде Отвального.

Мне не давала покоя мысль: «За чей же счет банкет?»

Захлопывая за мной тяжелую дверь, охранник сунул мне в руки пачку дорогих сигарет, судя по этикеткам, произведенных за рубежом. Именно пачку! Я был крайне удивлен, потому что раньше если мне и передавали сигареты, то они были россыпью, все какие-то помятые и, как привило, самые дешевые.

В мирное время я держался подальше от этой отвратительной привычки: раз в сто лет «под рюмкой» мог себе позволить сигаретку-другую, но здесь...

Места лишения – это всегда война: война с сокамерниками, если ты не сидишь в одиночке, война с администрацией (разумеется, партизанская), война со следствием, с судом и, в конце концов, с самим собой. Для войны с самим собой повод всегда найдется...

Выудив из матраса запрещенную зажигалку, я прикурил. Крошечное помещение мгновенно наполнилось ароматом дорогого табака. В этот раз я позволил себе выкурить целую сигарету – экономить буду потом. Когда до фильтра осталась пара миллиметров, голова уже кружилась и хотелось воздуха. Я подошел к окошку, подтянулся на прутьях решетки и глотнул свежие струйки через отверстия в оцинковке. На улице уже смеркалось.

Потом, лежа на жестком матрасе и заложив руки за голову, я пытался осмыслить суть происходящего, но она все время ускользала от меня, и я незаметно для себя уснул.

Проспал я, судя по всему, недолго, но зато впервые за несколько месяцев мне приснился сон. Был он о том, будто стоим мы с Лосем в холле американской гостиницы, на последнем этаже и спрашиваем у такого мерзкого слащавого портье (то ли негр, то ли латинос, то ли что-то среднее):

– Номера есть?

А он так с понтом, причем почти без акцента отвечает:

– У нас дорогие номера. – и с презрением смотрит на нас, словно знает, что у нас денег нет.

Лось достает из кармана пакет полиэтиленовый с кокосом¹⁹, граммов на двадцать (я в шоке: откуда у него?!), и говорит портье:

– Пойдет?

Этот в лице изменился, залебезил, раскланялся и в какой-то боковой номер заталкивает:

– Вот сюда, пожалуйста...

Заходим. Я осматриваюсь, пока Лось этому кренделю кокс отсыпает, вижу, что номер из дорогих: площадь метров тридцать пять, потолки скошенные (мансарда) метров пять высотой, куча диванов, телеки на стенах, правда, какое-то все очень затасканное и потертое.

¹⁹ Кокос – кокаин.

Портье вышел, мы осматриваемся, говорим о чем-то. Через несколько минут возвращается: улыбка до ушей, нос весь белый и за собой зовет:

– Пойдемте, покажу, где я живу!

Мы за ним – ведет нас через бар, больше на охотничий клуб похожий: везде бараньи и козьи бошки на стенах очучеленные и чучела козлов стоят с глазами стеклянными. У стойки молодежь какая-то трется, цветные преимущественно: с коктейлями, с сигарами – хохочут, не унимаются. Мы бар миновали – в коридоре оказались.

Портье дверь в номер открывает: там вообще суперлюкс! Все блестит-сияет, плазменная панель в человеческий рост, и углы у нее внутрь загнуты зачем-то. Он на телек показывает, мол, это я сам купил – хвастается. На экране клип какой-то непонятный, но по аудиодорожке ясно – рэп на русском, причем «правый».

Меня из раздумий Лось вывел: локтем толкает и в сторону окна показывает. Номер-то метров семьдесят, всякими креслами-глобусами набитый, и я сразу не заметил, что у окошка два типа стоят: один такой же, как наш провожатый, только молодой, а второй – четкий негр, постарше. Они увидели, что мы смотрим, и засмутились. Мы подходим, а у них вообще испуг на лицах проступил – видно, что мы их застукали за чем-то нехорошим. Смотрю: молодой что-то за спину прячет. Думаю: наверное, гады кокос наш нюхают. За руку беру его, а в ней два пакета – один с какими-то овсяными хлопьями, а второй тоже с хлопьями, только ярко-зелеными.

Тут портье вмешался:

– Это не то, что вы подумали.

И земляк его башкой закивал, виновато улыбаясь, хотя видно, что по-русски не говорит, и пакетами над аквариумом большим потряс, типа, корм для рыбок. Я смотрю – вся фауна в аквариуме искусственная и головой покачал, мол, нехорошо врать. Тут старший вмешался и на чисто русском, но на какой-то торговый манер (причем и одет как торгош с овощебазы – пиджак шерстяной, штаны спортивные, туфли модельные) говорит:

– Брат, давай договоримся, а.

Я фильм «Брат» вспомнил – сцену в трамвае и хотел коронной фразой «торгаша» сразить, но понял, что все равно не поймет – молчу.

Этот видит, что диалог не получается и давай по карманам своим шарить: достает скомканные пятитысячные, тысячные и мне сует. Причем так нелепо: нашел – отдал, все по одной. Неприлично, конечно, с черными дела иметь, но деньги-то нужны. Отдал он мне в общей сложности двадцать одну тысячу. Я хотел спросить, откуда у него рубли, но решил свою некомпетентность не проявлять – наши «гости» тоже с долларами ходят и ничего.

Мы на выход, этот за нами:

– Ну, нету проблем, а?

Я, говорю, мол, нет, и чего-то мне жалко его стало: вот жизнь – впалился и первому встречному всю выручку отдал. Хлопаю его по плечу:

– Когда к нам-то приедешь?

Он так расстроено отвечает:

– Нам к вам нельзя, опасно.

Я на плазму показываю:

– Купим тебе штаны спортивные новые, будешь, вон, рэп читать. Чернокожему – самое то!

Этот приободрился и больше духом не падал.

Через бар той же дорогой идем – там все разгромлено, паника. Мы спрашиваем:

– Чего случилось-то?

Видим кровища на полу. Баба какая-то всхлипывает:

– Десантники.

Я про себя думаю: «Не в том месте пацаны посидеть решили... видать, подрезали кого.» Потом смотрю: человеческих жертв нет – только всюду козьи статуи поваленные и выпотрошенные валяются, и бараньи бошки со стен оторваны. Я думаю: «В них ведь крови-то быть не должно», но виду не подаю.

Лось расстроился – смотрю, аж слезы на глазах. Я ему так бодренько:

– Да забей! Пойдем.

А самому так муторно стало.

Пробудившись, я долго не мог прийти в себя: приснится же такая ересь! А еще в таких красках да с подробностями! Почему Америка? Я никогда не питал слабости к этой стране и даже наоборот. Почему кокаин? Я один раз только пробовал и то не понял, в чем смысл употребления этого самого дорогого на свете наркотика. А уж причем тут Лось – вообще непонятно. Более странное сочетание, чем Лось и наркотики, трудно себе вообразить. Он вообще всегда был за ЗОЖ²⁰, а это значит – ни сигарет, ни алкоголя, не то что.

Чай мне давненько никто не закидывал, поэтому пришлось заваривать «вторяк», заботливо высушенный мной на крошечном выступе под забитым оцинковкой окошком, по архитектурным правилам именуемом подоконником. Бледно-желтоватая жидкость мало напоминала напиток английских лордов, но щепотка соды сделала свое дело, и чай получился с виду вполне сносный.

Сделав обжигающий глоток, я вспомнил Лося. В моем понимании он был настоящим образцом для подражания. По крайней мере, в моем кругу общения и среди знакомых моих знакомых более бескомпромиссных и правильных людей, чем он, не было.

Когда после «дерби» мы с Саньком, разгоряченные прохладительными напитками, болтались по Петроградке и случайно налетели на банду «носов» (я тогда обошелся черепно-мозговой и парой сломанных ребер, а Санек с перебитым позвоночником, возможно, навсегда сделался пассажиром инвалидного кресла), Лось реально поддержал меня. Ему было наплевать, что «встряли» мы не за команду и что по каким-то идиотским, непонятно кем написанным правилам «фирма» не может участвовать в этнических разборках. Кто-то из «основы» попытался намекнуть на то, что мне, Лосю, Филину и еще паре «фирмачей» не будет места под флагами, если мы ввяжемся в «вендетту». В ответ на это Лось с отрешенным выражением лица, короткой, но емкой фразой, составленной из отборного мата, пожелал присутствующим «всего наилучшего» и направился к выходу из «штаба». Меня, Филина и пацанов долго уговаривать тоже не пришлось, и мы последовали его примеру.

Леха-боксер – брат Санька – тоже пацанов подтянул из молодых спортсменов, не особо идейных, но сочувствующих. Славная зачистка тогда получилась! Все стены на местах боевой славы малышня из «Крэзи Стаффов» потом «эрпэшками» расписала, а наши фотороботы развесили во всех околотках, поэтому пришлось на последующие «эксы» медицинскими повязками затариваться!

²⁰ ЗОЖ – здоровый образ жизни.

Загремело, засвистело и защелкало – будьте нате! На зависть «Белой гвардии» и на погиль уличной торговле Петроградки наш новый кружок по интересам рос, как на дрожжах. Хотя войнушки наши и были по большей части партизанскими – мы никогда не совершали таких малолетских глупостей, как документирование своей деятельности посредством видеозаписей с последующем бахвальством в Интернете, – народ все равно как-то узнавал про нас.

Со временем к нам примкнуло еще десятка полтора «фирмачей». Для всех новых членов нашего стихийно возникшего сообщества «три полоски» и «сопля» очень быстро сменились на «TS» и «NB», а клубные флаги – на имперки. Околофутбольный движ перестал быть им интересен и уже не являлся их образом жизни.

Однажды, после очередного «экса», который мы были вынуждены перенести на «Апрашку», потому что на Петроградке «серые» наставили капканов, Лось и Леха боксер притащили меня еле живого домой. Мы с Соней в это время уже жили вместе в моей съемной комнате. Не без помощи Интернета ей удалось поставить меня на ноги (шутка ли – два ножевых, правда, к счастью, непроникающих). Самое странное, что она тогда не задала ни одного вопроса ни мне, ни сопровождавшим меня товарищам – просто взяла на работе отпуск и целыми днями проводила курс лечения заговоренными отварами и примочками.

Первые несколько дней, пока я находился в полубессознательном состоянии, Соня буквально не отходила от моей постели и, если я ненадолго приходил в себя, кормила меня с ложки и давала лекарства. Засыпая, я чувствовал, как она гладит меня по голове, словно ребенка, и слушал ее удивительные рассказы про Явь, Навь и Правь, а еще иногда она тихонько пела мне красивые грустные песни на древнеславянском.

Пойдя на поправку, во время очередной перевязки я спросил у нее, стараясь выдержать нотку юмора в голосе:

– Тебе так безразлично, чем занимается твой мужчина?

Соня некоторое время внимательно смотрела на меня, после чего совершенно серьезно ответила:

– Чем бы ни занимался мой мужчина – он всегда прав, а если он захочет, чтобы я была в курсе его мужских дел, – он сам расскажет...

Как после такого было не рассказать ей обо всем! Она слушала, не перебивая, а когда я закончил свое повествование, беззвучно заплакала, глядя куда-то в пустоту. Я смотрел, как вздрагивают ее худенькие плечи, и сердце мое сжималось от понимания того, как она дорога мне.

Потом, взяв себя в руки, Соня тихо, но очень отчетливо произнесла:

– Я горжусь тем, что ты наконец-то вырос. Наши предки – древние русичи – тоже забавлялись в юности кулачными боями «стенка на стенку», а возмужав, использовали приобретенные навыки для борьбы с басурманами и прочей нечистью. Но мне страшно, потому что это – уже политика... Прошу тебя – будь осторожен. Больше всего бьют за правое дело.

Когда Лось в очередной раз приволок мне пакет апельсинов и я рассказал ему об этом разговоре, он, легонько присвистнув, заметил:

– Повезло тебе, Бритва! Такую бабу на руках надо носить.

Услышать такое от Лося было выше всяких похвал – несмотря на свои тридцать с лишним, он до сих пор был убежденным холостяком и рассматривал представительниц прекрасного пола лишь как предмет плотских утех. Говорят, была и у него когда-то любовь, да не дождалась его из армии – вышла замуж за усатого мужчину из теплых краев и, заматавшись в хеджаб, радостно укатила вместе с ним на его родину – в какой-то там «стан». Вот вам и поведенческая мотивация моего друга – старик Фрейд сразу раскусил бы, что к чему!

Лось был одноклассником Лехи – Санькиного старшего брата и в свободное от бокса, «эксов» и работы время, а работал он с такими данными, разумеется, в службе безопасности –

помогал мастеровым послушникам строить церковь где-то в Купчино, используя плотнические навыки, полученные им в профтехучилище еще до армии.

Мне подумалось, что почему-то большая часть моих друзей старше меня на несколько лет. Может быть, не в свое время я родился?

Вылив остатки остывшего чая в парашу, я решил проинспектировать свой баул: в целом все мое нехитрое имущество было еще в достаточно приличном состоянии. Укладывая обратно любимую «TS № 1» – рубаху черного цвета, я вспомнил, как однажды на «эксе» мне рукав порвали: «гость» зубами впился – сущий зверь! А Соня аккуратно так все заштопала и золотом поверх швов гладью коловрат вышила, приговаривая: «Оберегом тебе будет...»

По виду как нарукавный знак получился – красота! Я вообще крещеный – во Христа верую, к язычеству отношусь как к колыбели православия, с уважением, может, с интересом, не более того, но самое удивительное, что когда я потом рубаху эту надевал – из любых передряг невредимым выбирался.

С утра пораньше меня потащили в следственный кабинет.

За столом, шурясь от папиросного дыма, сидел сам Джокер – старший опер по особо важным ГУПЭ²¹, гроза всех революционеров Северо-Запада. По слухам, первые десять лет службы в органах из двадцати с лишним он трудился во внедренческом отделе – в различные молодежные группировки внедрялся и весьма успешно. К каждой масти – своя карта. Отсюда и «погремуха» такая. Говорят, на левом плече у него была «Анархия» наколота, на правом свастика, а на груди – полумесяц со звездочкой. Может, правда, может, сказки – поди, проверь.

– Здравствуйте, Евгений Евгеньевич!

– Здравствуй, Митин! Чай будешь? У меня тут дрянь какая-то мак-даковская есть – позавтракать не успел.

– Не откажусь.

Сегодня Василий был сговорчивее, и уже через пару минут перед нами дымились два стакана с отличным цейлонским. Мои «браслеты» лежали тут же на столе. Джокера уважали за прямоту и бесстрашие. Он, даже оставаясь один на один с самыми отъявленными головорезами, требовал снять с них наручники. Старик свято верил в то, что он выполняет свою работу и между ним и преступниками не может быть ничего личного, поэтому ему в голову не приходило, что кто-то может напасть на него.

Покончив с мак-даковской дрянью и допив чай, мы, как старые приятели, закурили джокеровский «Казбек». Где он его доставал – одному Дзержинскому известно.

Затушив папиросу в коробке из-под «дряни», гупэшник заглянул мне в глаза и начал издалека:

– Я, Слава, по делу. Тут информация поступила, что не обо всех эпизодах твоей преступной деятельности нам известно. Всплыла одна старая история. Защитника пригласить или пока так поговорим?

²¹ ГУПЭ – Главное управление по противодействию экстремизму.

Я, в поддержание легенды, изобразил на лице недоумение:

– Да так поговорим, конечно. Свое – возьму. Что за история?

– В октябре на «Электросиле» трое «правых» молодцов гостей города покалечили: средний вред... Националистические высказывания озвучивали, целостность государства критиковали.

– Гм... не помню такого.

– Митин! Неужели ты думаешь, что я без доказательств стал бы заморачиваться? За мной и так оперативное сопровождение твоего дела, как пашня за колхозом – спать некогда, а тут еще этот эпизод!

– Да плюньте вы на него, гражданин полковник! Пусть останется между нами. Вас в любом случае к госнаграде уже за меня представили.

– Не в награде дело, Слав, – я уже давно пенсионер. Нельзя так. Каждый «глухарь» должен быть раскрыт – закон жизни. И оставь это «гражданин полковник» – чай, не блатной! Ты же знаешь, как меня зовут...

Я непроизвольно усмехнулся, и матерый опер сразу смекнул почему:

– Да все это в прошлом уже. Славные были времена! Тогда показатели тоже требовали, но высшим пилотажем считалось развалить группировку изнутри, если, конечно, совсем отморозки, то привлечь за уголовку, а так – профилактика. А сейчас что? Каждый лидер и активный участник должен сидеть в тюрьме любой ценой. Тьфу! Ни для кого не секрет, что наши некоторые, из молодых в основном, не стесняются – горлопанам на митингах наркоту и патроны в полный рост пихают. И все им с рук сходит. Видать, шатается трон-то под царь-батюшкой.

– Скажите, Евгений Евгеньевич, а вам доводилось когда-нибудь о чем-нибудь сожалеть?

– Да тысячу раз! Только с кем сойдешься-подружишься, захочешь из г...вна вытащить, а он ни в какую. Жалко приятелей-то «закрывать» – на суде потом плюются: «Как ты мог?» А как я мог? Служба – ничего личного. Но отношения-то сложились.

– А как это «вытащить»?

– Да словом. Ты же знаешь: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». Да не все слова-то эти понимать хотят. Я все время так считал: хочешь что-то изменить в стране – делай это законно. Иди в институт поступай, образование получай, завоевывай доверие населения, баллотируйся в депутаты. Сначала в муниципальное, а там и до ГД²² недалеко. Главное: м...даком не быть и не скурвиться. Многие во власть приходили с горящими глазами: сломать систему, искоренить коррупцию... И где они теперь? После первого отката блеск в глазах исчез, появилось что терять. Конечно, на этом поприще, если блага нет, попотеть придется, ну так и цели того стоят! Настоящий патриот – это не тот, кто во дворах таджиков дворников метелит да по митингам-петтингам горлопанит, а тот, кто честно работает, детей рождает и правильно воспитывает, взятки не дает. Да, видать, не докричаться до вас – патриотов, мать вашу.

– Но вы же видите какая ситуация сейчас: некогда по институтам штаны просиживать – надо действовать! Про...рем державу.

– А хочешь, я открою тебе главную революционную тайну?

Джокер нервно закурил и подвинул папиросы с зажигалкой в мою сторону. Мне показалось, что он абсолютно искренен со мной. В нашу самую первую встречу, когда я проходил сначала подозреваемым, а потом уже свидетелем по «гашишному» делу Аркадия, он тоже вел себя достойно. На мои призывы обратить внимание на то, что это не Аркадия наркота и что ему ее, скорее всего, подбросили, он честно ответил: «Не исключаю. Но каждый, кто встал на скользкий революционный путь, должен понимать – презумпция невиновности на экстремистов не распространяется. Докажет, что не его – молодец. Не докажет – сам дурак. Я ребят

²² ГД – Государственная дума.

тоже могу понять: сколько из-за него без выходных можно работать?! Вот и сделали, что могли. Подло, конечно, я бы так не стал, но, как говорится, не мытьем, так катаньем. Его перед каждым сходом просили: „Не надо, не ходи, не призывай, не разжигай!“, а ему что в лоб, что по лбу!» Когда я по «гашишному» делу от дачи показаний отказался, полковник даже с глазу на глаз одобрил, мол, правильно: «Все расскажешь – поменьше дадут, ничего не расскажешь – ничего не дадут!»

Я по арестантской привычке положил одну папиросу за ухо, а вторую прикурил:

– Что за тайна?

– Тайна. Да все уже давно про...рано. Ты никогда не задумывался над тем, ради чего ты борешься?

– Ну как же: для себя, для страны, для людей, в конце концов.

– А нужно ли это кому-нибудь?

– В смысле?

– Многие стали думать так же, как ты, приняли твой образ мыслей и мировоззрение?

– Гм... не знаю.

– А я знаю: только жалкая кучка самых близких товарищей, и то не всех – у половины из них патриотизм – всего лишь дань моде. Ну, вот отлупил ты «гостей», поджог бытовку на стройке, стикеры расклеил с призывами и что? Люди хлопают в ладоши и рисуют «эрпэшки» на стенах – это правда. Но есть и обратная сторона медали: кто принимает за взятку в детский садик отпрысков приезжих с юга без регистрации? – Люди, те же самые, что аплодировали тебе вчера. Кто везет к себе на дачу строителей-нелегалов, чтобы «падищевле»? – Тоже люди! Кто притопывает ножкой и аплодирует джигитам на улицах, когда они вываливаются отплясывать лезгинку из свадебных кортежей? Правильно! – Те же самые люди. С чьего молчаливого согласия глупые девки выходят замуж за иноверцев, соблазнившись длинным х...ром и толстым кошельком? – С согласия тех же людей. А знаешь, что будет на ближайшем неудачном «эксе», если ты случайно «борщанёшь» – те же самые люди бросятся на выручку твоим жертвам и будут лупить тебя зонтами и сумками, пока ты не упадешь, а потом еще и в милицию сдадут. И это сделают *те же самые* люди.

В этот момент я почувствовал примерно то же, что тогда, на Ладожском, отправляя «дачку» каторжанину Аркадию:

– Евгений Евгеньевич! Не посчитайте дерзостью: у вас выпить что-нибудь найдется?

Джокер откусил от папиросной гильзы небольшой кусочек и заклеил им глазок камеры наблюдения, после чего достал из внутреннего кармана пиджака жестяную флягу с надписью «КГБ СССР» и молча протянул мне.

После обжигающе одурманивающего глотка я поинтересовался:

– Армения?

– Не угадал.

– Франция?!

– На какие шиши? Калининградский. Я только его или, в крайнем случае, «Трофейный».

– А почему не «Дагвино» или «Арарат»?

– А о чем я тебе только что говорил?

К чувству разочарования примешалось еще и чувство стыда за собственную тупость. Ведь старик просто пытался «докричаться» до меня, как и до тех, из своей молодости.

Я сделал еще один большой глоток и делано равнодушным тоном сказал:

– Давайте протокол, я подпишу.

– Почитай-ка сначала вот это, – Джокер протянул мне ксерокопию «Протокола допроса подозреваемого».

Я начал читать: «...Лосев Андрей Юрьевич...» и поймал себя на мысли о том, что до настоящего момента не знал, как полностью зовут Лосю, хотя, конечно догадывался, что прозвище его, скорее всего, было производным от фамилии. За время плотного общения и бесконечной болтовни в «басах» во время «выездов» мы, казалось бы, узнавали друг о друге все, вплоть до имен аквариумных рыбок и черепашек, которые жили почти у каждого из нас в начальной школе, а фамилий, да что там фамилий, даже имен друг друга иногда не знали.

Дальше по тексту: дата рождения, образование, место жительства и работы, «По существу заданных мне вопросов хочу показать следующее.». Я остановился на этом «хочу». Почему протоколами предусмотрено именно это слово, символизирующее сугубо добровольное волеизъявление? Вряд ли Лось действительно «хотел» что-то сообщить следствию. В данном контексте скорее подошло бы «вынужден» или что-нибудь в этом роде. После того, как я поделился своими соображениями с Джокером, он усмехнулся в усы и заметил:

– Если когда-нибудь мне доведется участвовать в корректировке процессуальных бланков – я буду настаивать на том, чтобы в этом месте оставляли пробел. Представляю, как подозреваемые изгаляться начнут: «вынужден», «попробую», «не хочу» – вот смеху-то будет! Давай, читай дальше.

Я пробежал глазами дату и время и погрузился в текст:

«...я без определенной цели находился недалеко от выхода из станции метро „Электро-сила“ совместно со своим знакомым по прозвищу „Бритва“ и его знакомым (данных не знаю, могу описать). Мы заметили группу лиц мужского пола, которые, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вели себя вызывающе.

Следователь: Почему вы и ваши знакомые были в медицинских повязках на лицах? Как вы определили, что указанные мужчины находятся в состоянии опьянения, и что вы подразумеваете под словом „вызывающе“?

Лосев А. Ю.: Мы были в повязках, потому что в этой части города сильно загрязнен воздух. Я определил состояние мужчин, потому что речь их была невнятной, произносимые слова не распознавались, и они беспорядочно подпрыгивали, размахивая руками. „Вызывающим“ я считаю парковать автомобили на тротуаре и громко демонстрировать с использованием автомобильного магнитофона запись неприятных звуков, отдаленно напоминающих музыку.

Следователь: Что произошло дальше?

Лосев А. Ю.: Я сделал замечание одному из указанных лиц, в ответ на что он начал громко воспроизводить непонятные мне звуки и пугать меня выражением своего лица.

Следователь: Что в это время делали ваши знакомые, находящиеся вместе с вами?

Лосев А. Ю.: Сначала они наблюдали за происходящим, а потом, когда еще двое сопровождавших упомянутого мужчину лиц попытались ударить меня, мои знакомые попросили их этого не делать. Когда к нам подошли еще четверо мужчин из этой компании и начали пытаться нам троим наносить удары руками и ногами по голове и различным частям тела, я и мой зна-

комый, которого я знаю по прозвищу „Бритва“, отступили и пытались закрыться руками от ударов, а знакомый „Бритвы“ отошел на безопасное расстояние.

Следователь: Вы или ваши знакомые били мужчин, которые, с ваших слов, напали на вас?

Лосев А. Ю.: Нет.

Следователь: Потерпевшие и свидетели, а также собранные по делу доказательства указывают на то, что вы нанесли не менее чем трем лицам побои и не менее чем двум лицам – вред здоровью средней тяжести, используя при нанесении ударов предмет, похожий на бейсбольную битку. Как вы это объясните?

Лосев А. Ю.: Я предполагаю, что во время нападения на меня и сопровождавших меня граждан нападавшие, в силу состояния опьянения, во время попыток ударить нас размахивались руками, не рассчитывая сил, теряли равновесие и падали. При падении они ударялись о бейсбольную битку, находившуюся у меня в руках.

Следователь: Как у вас в руках оказалась бейсбольная битка?

Лосев А. Ю.: Я достал ее из находившегося при мне рюкзака.

Следователь: С какой целью вы имели при себе бейсбольную битку и зачем достали ее из рюкзака: с целью обороны или с целью нападения?

Лосев А. Ю.: Я планировал в этот день записаться в секцию бейсбола, поэтому имел при себе бейсбольную битку, а достал ее из рюкзака для того, чтобы выбросить, так как планировал убежать от нападавших. Битка была достаточно тяжелой, для того чтобы бежать быстро. Не убежал я потому, что упомянутые лица неожиданно для меня разошлись по своим автомашинам и уехали...»

Я хохотал до слез, пока Джокер не сделал мне замечание и не заставил вернуться к чтению протокола. Дочитав его полностью и на всякий случай пробежав глазами еще раз, я понял, что следователь «в теме» – ни один из «серых» не позволил бы так глумиться над собой.

Из показаний Лося следовало, что он берет все на себя, а я – «вялый» соучастник. Филина он описывал «левыми» приметами, по которым найти его было просто невозможно. Больше всего меня «улыбнуло» то, что Лось, с его слов, не различает национальностей. Он думал, что его «терпицы» – русские и, более того, если бы даже он знал о том, что они являются представителями иной национальности, – это ни на что не повлияло бы в силу привитой ему еще в армии братской любви ко всем народам, населяющим нашу многонациональную страну.

Джокер, выпустив в потолок пару-тройку сизых колец дыма, бесстрастно поинтересовался:

– Что скажешь?

– А Лося, в смысле Андрея, «закрыли»?

Полковник опять затянулся папиросой и кивнул:

– В Московском ИВСе сидит. Если ты все подтверждаешь и мы устанавливаем третьего, для твоего друга возможны варианты с «подпиской о невыезде».

– Я все понимаю, но третьего я действительно не знаю и не понимаю, зачем его ко мне в друзья приписывают – я до этого его не видел, а вообще все было примерно так, как сказано в протоколе. Кроме одного: у Лосева не было бейсбольной биты...

Джокер вопросительно посмотрел на меня:

– Ты хочешь сказать, что потерпевшие ее выдумали? Ну, они, допустим – лица заинтересованные, а Лосев? Ты же только что показания читал, хотя ему понятно, что он врет: «Падали и ударялись»!

– Она была у меня.

Закончив писать с моих слов «явку» и «объяснение», Евгений Евгеньевич вытер пот со лба и устало произнес:

– Я понимаю: мужской поступок – выручить товарища, взять вину на себя и все такое... Только не выйдет у тебя ничего, Слава. Ясно, что тебе с твоим букетом еще одна статья карман не оттянет, только ведь будут очные ставки, опознания, проверка показаний на месте – в общем, весь комплекс. Ладно, бывай, в ИВСе увидимся.

Когда Джокер вышел, я, в ожидании конвоя, мысленно восхищался хитростью Пенкина, чувством юмора Лося и радостно напевал про себя: «Все идет по плану».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.